

**Ворошилов и “правый уклон”:
Из выступления Ворошилова на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23
апреля 1929 г.**

ВОРОШИЛОВ. Выступавшие здесь товарищи — Томский, Угланов, Бухарин, Рыков и др. их единомышленники, распределив между собою роли, не жалея времени, пытались всячески доказать, что не они сбивались на протяжении последнего времени с линии, установленной партией, что не они шатались в своих политических выступлениях и практических мероприятиях, что не они (я имею в виду Бухарина и Томского) нарушили самым непозволительным образом партийную дисциплину, не подчинившись решениям Политбюро, а что, дескать, Политбюро понемножку, постепенно скатывалось в троцкистское болото и что оно (Политбюро) вело будто бы линию, которая не укладывалась в нашу генеральную установку.

Мне сдавалось, когда я слушал этих товарищей, что если бы им дать еще немного времени, они договорились бы, пожалуй, до того, а может быть, даже убедили бы себя и своих единомышленников, что не Бухарин был у Каменева и вел разговоры с ним об изменении состава Политбюро, а что Политбюро, во главе со Сталиным, было у Троцкого и советовалось с ним о том, как изничтожить всех политических зайцев, правых, примиренцев и всех, кто скатывается к оппортунизму.

Томский и Угланов совершали экскурсию в историю наших политических разногласий. Каждый, но своему, устанавливал даты событий этой эры. Если у тов. Томского получилось, что борьба началась с момента, когда его (Томского) начала “прорабатывать” “Комсомольская Правда”, то у тов. Угланова даты были несколько иные; он начало разногласий относит к моменту возвращения его с хлебозаготовок. Если спросить т. Бухарина, к какому моменту он относит начало расхождений, то мне кажется, он не мог бы сразу установить эту дату. У тов. Бухарина очень часто меняется настроение, меняются очень часто и политические установки. Эта моральная неуравновешенность приводит к тому, что он на один и тот же вопрос может дать различные ответы в течение самого минимального промежутка времени.

Если бы тов. Бухарин попытался установить момент наших разногласий непосредственно после XV партийного съезда, то он, очевидно, отметил бы время, примерно с января—февраля прошлого года, когда у него (у тов. Бухарина), после большого напряжения, после огромного подъема революционного пафоса, который он проявил во время общей нашей борьбы с троцкистской оппозицией, началась душевная депрессия, началась политическая качка. Мне кажется, что именно к этому моменту необходимо отнести начало наших разногласий.

Вспомните, что было у нас непосредственно после XV съезда. Затруднения в хлебозаготовках уже в период работ XV партийного съезда не могли не отразиться на работе Политбюро. Вслед за окончанием съезда Политбюро принуждено было принять решительные шаги для того, чтобы выйти из затруднительного положения с хлебозаготовками. С января месяца хлебозаготовки, как вы помните, сократились до минимума, грозя совсем прекратиться. Я должен отметить, что ни СТО, ни Совнарком на протяжении этих острых, критических двух месяцев не предпринимали ничего для того, чтобы найти выход из этого положения. Политбюро — по предложению тов. Сталина — взяло на себя инициативу, созвало совещание, не помню, в конце ли января или в начале февраля, и поставило вопрос о необходимости вмешательства партии в хлебозаготовительную кампанию. Никаких расхождений тогда, я должен здесь засвидетельствовать, между нами, членами Политбюро, не было.

Но в то же время я должен, со всей категоричностью, заявить так же и то, что

это вмешательство партии в дело хлебозаготовок не совсем понравилось некоторым товарищам. И по мере того, как, с одной стороны, это вмешательство давало положительные результаты, — мы необходимое количество хлеба получали; с другой стороны, различные и многочисленные искривления чрезвычайных мер на местах приводили кое-где и к отрицательным последствиям, — все это отражалось на настроениях некоторых членов Политбюро и на взаимоотношениях внутри Политбюро. И уже к апрельскому пленуму прошлого года в Политбюро создалось известное напряжение; период между апрельским и июльским пленумом обострил взаимоотношения. К этому времени верхушка московской организации, под руководством тов. Угланова, обнаружила колебания и заняла позицию, которая отнюдь не могла быть свойственна руководству столичной организации, являющейся опорой для работы Политбюро.

Проработка началась, но прорабатывали не Угланова, а некоторые товарищи начали вести кампанию против политики ЦК, и в частности против тов. Сталина. Московские работники отлично знают, как в некоторых районах между апрельским и июльским пленумом начали “прорабатывать” Сталина. Непосредственно перед самым июльским пленумом, на закрытых заседаниях Политбюро имели место неоднократно острые стычки и споры с т. т. Бухариным, Рыковым и Томским.

Я должен отметить, что между Томским, Рыковым и Бухариным в этот период далеко не всегда было единомыслие, даже по коренным вопросам. Если тов. Томский больше всего обрушивался на самокритику, которая ударила одним концом по нему, то тов. Бухарин проповедывал теорию насчет того, что мы перегнули палку в сторону капитальных вложений и отпуска якобы чрезмерных средств на индустриализацию, забыли о нуждах сельского хозяйства и легкой промышленности. Тов. Угланов же, главным образом, настаивал на необходимости созыва совещания хозяйственников, с которыми, по его мнению, необходимо выработать какие-то экстренные меры, способные выпрямить нашу линию и улучшить общее положение.

Но в общем и целом, положение создавалось ненормальное и тяжелое. Нужно было найти выход.

Июльский пленум этот выход дал. Вы знаете, что единодушно, единогласно принятые резолюции должны были послужить базой для нашей совместной работы не только на местах, но и внутри ЦК, внутри Политбюро.

Так ли было на самом деле? Ничего подобного.

Кто виноват в этом? Конечно, виноваты т. т. Бухарин, Рыков и Томский. Вот вам некоторые фактические доказательства. После июльского пленума Сталин делает доклад активу ленинградской организации; одновременно тов. Рыков докладывает московскому активу о результатах работы пленума. Как ведет себя тов. Рыков на активе? Я, к сожалению, на нем не был, но я точно осведомлен о том, как реагировали товарищи на доклад тов. Рыкова. Все были, по меньшей мере, смущены установкой, которую он дал в своем выступлении. Тов. Рыков сделал упор главным образом на кабардинское восстание, на недовольство в целом ряде других мест в связи с хлебозаготовками. Он говорил, между прочим, что, невзирая на то что произошло маленькое восстание, значение его, однако, огромно. Он привел для примера факт казни Сакко и Ванцетти. Он аргументировал так: это тоже как будто единичный, небольшой случай, но он потряс весь мир: пролетариат всех стран поднялся на защиту двух погибших без вины революционеров. Таким образом, проводилась аналогия, что и у нас, невзирая на то что произошло лишь маленькое восстание, возможно в результате громадное потрясение. Все это не могло не вызвать среди собравшихся товарищей на активе — а их было там около 3 000 — соответствующего настроения и недоуменных вопросов. И когда потом тов. Рыков удивлялся, а теперь уже прямо поражается — почему, как, на каком основании его “прорабатывают”, то это свидетельствует лишь о странной беззаботности тов. Рыкова. Тов. Рыков должен был хорошенько подумать

перед своим выступлением на активе 120-тысячной московской организации. Он должен был бы дать твердую четкую установку, вытекающую из решений Пленума. На самом же деле он произнес речь, которая вызвала и не могла не вызвать, тяжкое недоумение среди т. т., собравшихся на активе.

Совсем иная картина была в Ленинграде, где доклад делал тов. Сталин. Речь тов. Сталина отнюдь не была похожа на доклад тов. Рыкова. Тов. Сталин добросовестно докладывал о единогласно принятых решениях на Пленуме, которые были зафиксированы в известных резолюциях. Совершенно иные ноты звучали в устном докладе тов. Рыков (в печать тов. Рыков прислал значительно исправленный и кое-где сокращенный текст).

На активе тов. Рыков, очевидно для того, чтобы еще больше подкрепить свои установки, сослался на мою с ним беседу и заявил (а это тоже не могло не произвести впечатления), что вот Ворошилов, или, как они меня называли дружески, Клим, будто бы сказал, что в настоящее время Красная армия за нас, но, если дальше продолжатся те методы хлебозаготовок, которыми мы пользовались, то армия может повернуть против нас. Мы не расходимся во взглядах ни с Томским, ни с Бухариным, ни с Рыковым насчет того, что мы должны между собою откровенно говорить обо всем, о чем думаешь. Но мне кажется, тов. Рыков поступил неправильно, когда он частную беседу со мной сообщил на трехтысячном собрании; он поступил вообще неправильно потому, что он крайне неудачно передал мой разговор с ним. Установим же истину. Бесспорным является тот факт, что я на эту тему беседовал с Алексеем Ивановичем. Но также бесспорным является и то, что Алексей Иванович неверно передал содержание разговора. Когда он задал вопрос, что делается в армии (а он, как председатель Совнаркома, обязан интересоваться положением в РККА), я ответил, что сейчас, невзирая на то что мы переживаем в армии отражение затруднений, связанных с хлебозаготовками, но тем не менее армия крепка, боеспособна и является надежной опорой диктатуры пролетариата. Конечно, в армии есть в некоторых слоях недовольство, есть и единичные случаи кулацкой агитации, но они нами легко ликвидируются. Вы говорите, что нужно принять меры к тому, чтобы поскорее эти явления изжить. Я с вами согласен, это мое глубочайшее убеждение, так же как и всех членов Политбюро. А кто у нас одобряет чрезвычайные меры в их болезненном проявлении, в их искривлениях? Никто, ни один человек в ЦК. Мы все были единодушны в необходимости скорейшей ликвидации этих искривлений.

Зачем нужно было тов. Рыкову в своем докладе приводить все эти “доказательства” и “аргументы”? Ведь малому ребенку ясно, что тов. Рыков, принимая вместе с нами на июльском Пленуме резолюцию, не соглашался с ней в полной мере; во всяком случае, его настроение, его подлинные взгляды не вмещались в рамки принятых нами решений. Ему, по-видимому, нужно было к кому-то апеллировать, нужно было добиться от актива такой резолюции, которая бы “дополнила” резолюцию июльского объединенного Пленума ЦК и ЦКК. Во всяком случае, тов. Рыков весьма оригинально защищал решения июльского Пленума.

Я вынужден сказать несколько слов, относящихся к моей собственной персоне; очень извиняюсь за то, что задержу на некоторое время ваше внимание. Мое имя на настоящем Пленуме упоминалось и тов. Томским, и тов. Углановым — я считаю необходимым дать пару справок и объяснений. Выступление тов. Рыкова на московском активе, о котором я говорил, и оглашение нашего разговора было использовано Троцким в его письме осенью прошлого года. Троцкий дал этой беседе свое истолкование, которое соответствовало его интересам. Он беседу изобразил таким образом, что Ворошилов, мол, собирается в Бонапарты и “угрожает”. Попутно Троцкий наградил меня весьма нелестными эпитетами, говоря попросту, ругал меня. Он прямо заявил, что Ворошилов собирается в Бонапарты; затруднения, дескать, рождают определенные настроения и выдвигают Бонапартов. Правда, писал Троцкий, был

Бонапарт первый, был и третий — прощельга. Так вот, мол, новый Бонапарт будет походить на этого последнего, что кандидат в Бонапарты у нас в СССР уже готов. Эта гнусность, сочиненная Троцким, получает известное распространение. Надо иметь в виду, что контрреволюционные писания Троцкого, попав в руки неискушенных людей, особенно беспартийных интеллигентов, могут вызвать кривотолки и глупые разговоры. Вот вам наглядное доказательство, вот яркий пример того, как нужно быть осторожными в речах и выступлениях. Конечно, тов. Рыков ничего подобного не говорил и в мыслях не имел. Но его речь, приведенные им факты и сопоставления дали повод для подлейших контрреволюционных статей нашего политического врага.

Тов. Бухарин на духу у Каменева, признаваясь “во всем”, пускаясь с ним в разговоры на всякие интимные темы, между прочим, заявил, что Калинин и Ворошилов в последний момент ему (Бухарину) изменили, и прибавил в заключение: их (Калинина и Ворошилова) Сталин держит какими-то особыми цепями. У троцкистов в прокламации это особенно подчеркнуто. Что же это значит? Можно, конечно, всячески относиться к троцкистскому документу, но что напечатанные в этом документе фразы являются действительными выражениями, принадлежащими тов. Бухарину, — это не подлежит никакому сомнению. На мой вопрос на заседании Политбюро тов. Бухарину, что значит фраза о Калинин и Ворошилове, тов. Бухарин как-то невнятно пробормотал, что он этого не говорил. Я убежден, что Бухарин это говорил. Мне бы хотелось только расшифровать, что же он имел в виду. Я должен вам сказать, что у меня с Бухариным были самые лучшие товарищеские отношения. С т. Бухариным я часто встречался и очень много говорил на самые различные темы.

Тов. Бухарин плакался мне в жилетку, рыдал у меня на груди (не в переносном смысле слова, а в буквальном), делился со мной по целому ряду важнейших вопросов, но все-таки, я никогда не допускал и мысли о том, что тов. Бухарин может из этого делать какие бы то ни было выводы политического порядка, что я с Бухариным в каком-то заговоре против кого-то, что мы с ним строили какие-то козни против нашего Политбюро. Это дико и нелепо. Моя дружба с т. Бухариным и его чрезмерная “словоохотливость” давали, как оказывается, кое-кому повод трактовать мою политическую линию как не вполне устойчивую. Между тем, невзирая на мои хорошие отношения с тов. Бухариным, я вместе с другими членами Политбюро всегда выступал против его оценки положения. Тов. Угланов имел мужество заявить, что я на Политбюро выступал за кулака^{*}. Я лично этого не помню, может быть, я и допустил во время разговоров какую-нибудь неудачную формулировку. Но чтобы я за кулака стоял как за экономическую или политическую категорию, как за элемент, который мы должны поддерживать в нашей работе, — это, конечно, ложь и клевета, это в лучшем случае глупость. Спрашивал у товарищей — я, как вам известно, человек не гордый, — может быть, я сказал что-нибудь подобное, но здесь присутствующие члены Политбюро и товарищи, которые посещают заседания ПБ, мне заявили единодушно, что подобных заявлений они от меня не слышали. Утверждение тов. Угланова оказывается просто голословным.

Но, допустим, на худой конец, что в пылу полемики у меня выскочило какое-

* Из стенограммы выступления Н.А. Угланова:

“Должен напомнить т. Ворошилову, что в сентябре 28 года, при обсуждении в Политбюро вопроса о перегибах и сельхозналоге, тов. Ворошилов говорил следующее, — заседание шло под председательством Рудзутака, — “все эти затруднения с хлебозаготовками происходят потому, что мы перегибаем в отношении зажиточного мужика, в отношении кулака, — надо с ним жить, ладить и работать”.

ВОРОШИЛОВ. Неправда.

КАГАНОВИЧ. Неправда, это он о середняке говорил.

УГЛАНОВ. У меня настолько богатая память, что я прекрасно это помню.

ГОЛОСА. Все равно не поверят” (РГА СПИ. Ф. 17, оп. 2, д. 417, с. 66).

либо опрометчивое выражение. Мы все единодушно считаем, что на Политбюро мы должны высказывать все, что думаем, — должны излагать откровенно и без утайки свои политические соображения.

Допустим даже такой невероятный случай, что я внес на Политбюро предложение не наступать на кулака. Что произошло бы? Меня раскритиковали бы, Политбюро голосованием отвергло бы это предложение. Я, как дисциплинированный член партии, подчинился бы решению Политбюро, и вопрос был бы исчерпан.

Предположим еще более фантастический случай. Допустим на одну секунду, что Политбюро приняло бы решение, направленное в той или иной степени в пользу кулака. Нет никакого сомнения, что Пленум, вы все здесь собравшиеся, выправили бы линию Политбюро, а члены ПБ, как дисциплинированные партийцы, строго и неуклонно проводили бы в жизнь решения Пленума.

Так, и только так следовало бы исправлять ошибки, если бы они имели место. Так, и только так надлежит выполнять решения партии.

Но, повторяю, всего этого не было. Рассуждения тов. Угланова имели бы смысл только в том случае, если бы я высказывался против решения Политбюро. Поэтому для всех ясно, какие цели преследует тов. Угланов, выступая с утверждением, что де, мол, Ворошилов где-то, когда-то выступал за кулака. Несерьезно все это. Нельзя рассказывать чепуху и глупости о том, как кто-то, где-то, когда-то бросил какие-то слова. Никто этому не поверит. Вы лучше расскажите, тов. Угланов, как я, якобы стоявший за кулака, на июльском Пленуме ЦК, по совету тов. Сталина, вместе с Молотовым, в течение двух часов на квартире Молотова убеждал вас отказаться от ваших взглядов. Если бы наша миссия удалась, это было бы лучше и для вас и для партии.

Вот мы с вами занимаемся в продолжение целой недели обсуждением одного вопроса. Радостного тут мало: это обходится нам недешево.

Мы с вами разговаривали, Николай Александрович Угланов, летом прошлого года? Разговаривали. Убеждали мы вас с Молотовым? Убеждали. Тов. Молотов говорил, что это безнадежная вещь? Говорил. Я возражал ему? Возражал. Я говорил, — нет, мы все-таки его перетянем, — спасем. А позже, осенью, — 30 сентября перед моим отпуском, разве я вместе с тов. Орджоникидзе не был у вас, тов. Угланов, и в течение двух часов не убеждал вас?

ОРДЖОНИКИДЗЕ. После 12 часов.

ВОРОШИЛОВ. Да, после 12 часов ночи, в течение двух часов разве я не убеждал вас отказаться от тех ваших неправильных установок, которые еще не были антипартийными, но которые с неизбежной логикой влекли вас на очень опасный путь? Убеждал ли я вас? Убеждал. Так что же, я выступал там в качестве защитника кулака или в качестве защитника вас от некоторых кулацких влияний? Пускай тов. Рютин скажет, как мы с ним на июльском Пленуме в течение трех часов ходили по Кремлю. О чем мы тогда разговаривали? О кулаке. Разве мы с Рютиным не договорились? Разве Рютин не встал в этом вопросе на большевистский партийный путь, разве он не отказался от своих, выражаясь мягко, маленьких отклонений? Это как-то не совсем вяжется со всеми вашими разговорами.

Почему я на этом сравнительно подробно останавливался? Потому что и в московской организации, и в целом ряде других мест меня прорабатывали, пожалуй, больше, чем кого бы то ни было. Были пущены слухи, что Ворошилов и Калинин вместе с Бухариным, что они против генеральной линии партии, шатаются, маленечко уклоняются и прочее. Это чепуха. Пора, наконец, дать решительный и достойный отпор этой ни на чем не основанной клевете. <...>

Тов. Томский изощрялся на Пленуме по вопросу о коллективном руководстве. Он вспомнил и Ленина, который говорил, что необходимо обеспечить возможность свободы обсуждения всех вопросов в Политбюро; он вспомнил, как Ленин говорил о

том, что на Политбюро можно немножко колебаться; он вспомнил тов. Сталина, который нас когда-то организовывал, как он говорит — для того, чтобы установить коллективное руководство против единоличия Зиновьева. Все это приводилось тов. Томским для того, чтобы доказать, что сейчас у нас в Политбюро якобы нет коллективной работы.

Если бы все то, что говорил тов. Томский, было верно, тогда действительно вы должны были бы отнестись к работе Политбюро возможно внимательнее и исследовать положение по настоящему. Если Политбюро выродилось, как об этом повествует тов. Томский, в такой орган, где одно лицо господствует, а все остальные подчиняются, тогда положение в нашей партии становится чрезвычайно опасным. Но, как говорит пословица, “страшен сон, да милостив бог”. У нас никогда не было в партии единоначалия, нет его и теперь, и если оно и существует, то разве только в возбужденном воображении тов. Томского. Политбюро всегда работало на основе товарищеской коллегиальности и вновь будет так работать. Все утверждения об отсутствии у нас коллективного руководства являются клеветой и измышлением.

Вот вы мне скажите, пожалуйста: армия в нашей системе имеет какое-нибудь значение? Имеет. Ну, кто же мне мешает руководить армией? Тов. Сталин вмешивается в мою работу? Да, вмешивается. Он вмешивается так же, как и Бухарин, Рыков и все другие члены Политбюро. Все важнейшие вопросы рассматриваются у нас в Политбюро, а вся текущая работа и руководство лежат на мне и на товарищах, которые вместе со мной разделяют ответственность за состояние армии. Ну, а по части нашего хозяйства как дело обстоит? Угнетает ли тов. Сталин т. т. Рыкова, Куйбышева (и в особенности Рыкова) в вопросах практического руководства нашим огромным многомиллиардным хозяйством? Ничего подобного. Политбюро дает общую установку и вносит те или иные коррективы в работу членов Политбюро. Я уже приводил тот факт, что Политбюро добавило 27 миллионов рублей при обсуждении промфинплана к бюджету в 7 миллиардов рублей. Вот один из примеров, в каких формах выражается вмешательство Политбюро в сферу компетенции тов. Рыкова. Где же тут угнетение, зажим? Их нет и в помине. Вы все знаете, что вся текущая экономическая работа, а она многообразна и многосложна, — протекает не в Политбюро, а в СТО и в Совнарком, под руководством тов. Рыкова и при нашем участии.

Пусть тов. Рыков скажет, когда мы его не поддержали по какому-либо серьезному вопросу, который не был обсужден в Политбюро. Разве на Политбюро можно обсуждать все вопросы, хотя бы и крупнейшие, связанные с многомиллионными расходами? Разве тов. Рыков не решает эти вопросы в СТО и СНК вместе с нами, причем мы всегда его поддерживаем, поскольку он проводит линию партии. Если вы возьмете работу наркоматов, то вы увидите, что мы все имеем большую самостоятельность. Когда мы решаем кардинальные вопросы, определяющие политику наших наркоматов, мы с этими вопросами идем в Политбюро, а в остальном мы сами осуществляем руководство. Разница между нами и т. Сталиным, которого обвиняют во всех смертных грехах, заключается в том, что каждый из нас распоряжается чуть ли не миллиардами (бюджет Военвеха 840 миллионов, у моего друга Яна Эрнестовича Рудзутака — 2 миллиарда с лишним, у других ведомств такие же, примерно, цифры), а у Сталина никаких миллиардных бюджетов нет.

ЛОЗОВСКИЙ. Вы миллиардеры.

ГОЛОС. А у тов. Бухарина тоже миллиарды?

ВОРОШИЛОВ. У тов. Бухарина, представьте себе, тоже очень много, если и не миллиарды, то кое-какие деньжата были.

У него была группа руководящих товарищей, он был секретарем ИККИ и фактически руководителем всего мирового коммунистического движения. Разве тов. Сталин мешал его работе? Разве мог Сталин контролировать, наблюдать, смотреть за повседневной работой тов. Бухарина в Коминтерне? Конечно, не мог. Может ли

вообще Сталин знать все, что делается в наркоматах и секретариатах? Ясное дело, — не может знать. Зато, что делает тов. Сталин, мы всегда знаем. Тов. Сталин принимает решения вместе с нами по каждому вопросу, — экономическому, партийному, международному. Чем же объясняются выпады тов. Томского и его друзей? Ничем иным, как стремлением атаковать Политбюро. Им необходимо опорочить партийное руководство, доказать отсутствие коллективной работы для того, чтобы убедить Пленум, что тов. Сталин является той фигурой, которая мешает созданию консолидированной группы работников, отвечающих за руководство нашей партией и нашим государством. Это, именно, преследует речь Томского.

Но ведь это не ново. Об этом говорили в свое время и троцкисты. И с троцкистами мы боролись единодушно. Т. т. Рыков, Томский и Бухарин — все они очень красноречиво и весьма убедительно опровергали возводимые на тов. Сталина обвинения. А теперь они, вступив на путь борьбы с Политбюро, на путь борьбы с партией, твердят троцкистские зады. Они предъявляют Сталину затасканные обвинения, которые вы можете найти в старых речах троцкистов. Для чего это делается, не является секретом, это все понимают. Борясь с ЦК, надо бить по его генеральному секретарю. Тов. Сталин, нравится ли это Томскому или нет, — стал фигурой в Политбюро. Этого отрицать мы не станем. Нужно бить по нему, для того чтобы можно было выдвинуть других людей и изменить соотношение сил в Политбюро и тем самым линию ЦК.

Может быть, у нас в Политбюро действительно положение таково, что если внесено какое-либо предложение тов. Сталиным, то, стало быть, за него необходимо обязательно голосовать? Это ни в какой мере не соответствует действительности.

Меня крайне удивило, когда некоторые товарищи с серьезным видом говорили о том, что надо-де получить возможность свободно высказываться и излагать в ЦК свои взгляды. Ну, я вам скажу — ни с кем я столько не ругался, ни с кем я столько раз не вступал в схватки, как со Сталиным! Можете меня прорабатывать, как угодно, но я заявляю, что никогда я не боялся ни Сталина, ни Рыкова, ни даже Ленина. Когда то или иное предложение Ленина мне казалось нецелесообразным, я всегда голосовал против него. Плохо это или хорошо? По-моему, это хорошо, но при одном условии. Можно высказывать и отстаивать свои взгляды, но после принятого решения надо проводить его в жизнь. Я так всегда и поступал. Если мои предложения проваливались, я всегда подчинялся и никогда не отстаивал позиций, отвергнутых Центральным Комитетом. Чего же хотят наши критики — т. т. Томский и Бухарин? Они отнюдь не ограничиваются требованием свободы мнений, а добиваются того, чтобы они были в особом положении, чтобы их выступления и предложения воспринимались ЦК, как нечто обязательное. Это, конечно, совершенно недопустимо. Между тем никаких таких претензий нет у Сталина. Члены Политбюро знают (пусть кто-нибудь это опровергнет), сколько раз мы проваливали Сталина по весьма крупным вопросам, пусть мне кто-либо скажет, что Сталин не подчинялся принятым решениям и не проводил их в жизнь. Я мог бы привести примеры по нескольким крупнейшим вопросам, когда мы отклоняли предложения Сталина. Ну что же, он подчинялся и больше не вспоминал о своих предложениях.

Почему же все-таки на Сталина нападают? Я сказал, что он является крупной фигурой в Политбюро, выдающейся личностью среди нас. Почему? Да потому, что он не хуже, а лучше Рыкова, Бухарина и других ориентируется в сложнейших вопросах нашей работы. И т. т. Бухарин, Рыков сплошь и рядом голосуют вместе со Сталиным. Каждый из нас голосует так, как считает нужным. Но не все (это относится в первую голову к т. т. Бухарину и Томскому) выполняют принятые решения, и в этом действительная опасность.

Коллективное руководство у нас было, есть и будет. Поэтому все разговоры относительно отсутствия коллективного руководства — пустые, надуманные,

клеветнические и ведутся они с определенной целью. <...>

Алексей Иванович нам в своей речи объяснял, почему он считает необходимым сверх пятилетнего плана иметь еще двухлетний план, наложить, так сказать, на пятилетку двухлетку*. Он говорил, что наши затруднения весьма велики, хлеба нет, инфляция на носу, целый ряд других затруднений, нет запасов, резервов и т. д. Поэтому нужно будет принимать все меры к тому, чтобы в течение двух лет, которые будут, по-видимому, составной частью нашей пятилетки, ликвидировать эти затруднения.

Признаться, для нас тут много непонятого. Алексей Иванович — умнейший человек и занимается хозяйственными вопросами в течение всей революции. Как он мог внести такое несуразное предложение? Если нужно ликвидировать трудности, а нам их нужно ликвидировать, то почему бы не построить пятилетний план с таким расчетом, чтобы эти затруднения изжить общим развитием нашего планового хозяйства в кратчайший срок?

ЧУБАРЬ. Потому что не доделан план.

ВОРОШИЛОВ. Почему же вы этого не делаете? Не можете? Так и скажите, что план никуда не годится, надо составить новый. А вы выходите и говорите: план, разработанный Госпланом, под руководством уважаемого и любимого Глеба Максимилиановича Кржижановского, план великолепный, я за него голосую. Но когда доходит до реализации плана, вы добавляете — на него нужно “наложить” двухлетку. Это значит, что реального плана никакого нет. Вы не верите в составленный вами же пятилетний план и хотите замазать, затушевать этот вопрос. Так строить социализм и руководить хозяйством нельзя — нужна ясность и четкость. То, что предлагает тов. Рыков, — это не плановое хозяйство, не плановое руководство нашим строительством, а самая бесплановая чехарда. Но навязать ее партии вам не удастся. <...>

Тов. Рыков закончил свою речь тем, что он не выступает в роли обвиняемого, но он и не сказал, что он выступает в роли прокурора. А вышло все же, что он выступал в роли прокурора. Не подходит это, однако, к тов. Рыкову! Ведь он человек очень мягкий и до последнего времени был товарищем покладистым. Очень много спорных вопросов мы с товарищем Рыковым разрешали без больших боев. И мне кажется, что не нужно ни для дела, ни для Алексея Ивановича рядиться в тогу прокурора, не знаю какого века или какой страны, и выступать здесь, перечисляя все “грехи” Политбюро и требуя расправы. Не подходит это к Алексею Ивановичу, не нужно этого. Мы собрались здесь не для того, чтобы судить того или другого. Мы не являемся трибуналом, а политическим органом, который руководит величайшей страной и партией, которая должна быть ориентирована по-ленински в каждом своем шаге, в каждом своем политическом выступлении. И мне кажется, что речи т. т. Томского, Бухарина, Угланова, Рыкова и др., несмотря на их размеры и теоретический характер, ни в малейшей степени не способствовали решению наших задач. Мне думается, что Политбюро начиная с XV съезда и до последних дней свою работу вело так, как этого требует наша ленинская линия, как этого требуют интересы нашей социалистической революции. Мне кажется, что т. Рыков, т. Бухарин, т. Томский и их друзья найдут в себе силы подумать над тем, что они сейчас совершают. Нужно, товарищи, все-таки не

* Из выступления А.И. Рыкова:

“Мое конкретное предложение — поставить под специальное наблюдение ту часть пятилетнего плана, которая касается ликвидации “угрозы разрыва” (“сельского хозяйства и социалистической индустрии”. — О. К.), являлось попыткой приступить к выработке рабочего плана. Те кризисные явления, которые были в прошлом году, которые нарастают в текущем году и которые, возможно, будут и в будущем году, мы сможем сколько-нибудь успешно преодолеть на протяжении не года, а, в лучшем случае, двух лет. Эти два года для меня являлись тем сроком, меньше которого нельзя затратить на то, чтобы сколько-нибудь радикально побороть эту угрозу разрыва. Откуда это взялось, что я противопоставляю какой-то двухлетний план пятилетнему плану и что пятилетний план у меня для души, а двухлетний для дела? Этого я не знаю” (РГА СПИ. Ф. 17, оп. 2, д. 417, с. 182).

забывать вчерашнего дня. Ведь, мы же с вами, Алексей Иванович, не Иваны, не помнящие родства, — мы политические деятели. Если мы оглянемся на вчерашний день, мы увидим других политических деятелей, не хуже и нас с вами, которые уже ушли со сцены, одних уж нет, а те далече. Зачем же вам вступать на гибельный путь борьбы с ЦК? Зачем вы хотите убедить Пленум, искушенных в политике большевиков-ленинцев, в том, что не вы ошибаетесь, а ошибается Политбюро? Я думаю, что Центральный Комитет и Центральная Контрольная Комиссия настолько авторитетные ленинские органы, что они могут вынести свое решение так, как им подсказывает их большевистская совесть. Пленум ЦК и ЦКК найдет пути и средства, чтобы указать тем или иным теоретикам или вождям, что все спорные вопросы должны быть разрешены по-ленински в ленинских партийных учреждениях. Тем же, кто не пожелает пойти на это, Центральный Комитет и Центральная Контрольная Комиссия найдут способ разъяснить, как от таких недугов отделаться и как найти в себе мужество стать по-прежнему на ленинский путь и вести свою работу на намеченных партией постах.

Заседание десятое. Утро, 21 апреля (Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г.: Стеногр. отчет // РГА СПИ. Ф. 17, оп. 2, д. 417, с. 195–197, 199–200, 203–204).